

ИНОГДА ТИШИНА — ГРОМЧЕ КРИКА

СОСЕД

ВЛАДИСЛАВ БАЖЕНОВ

КОГДА ТЫ ЗНАЕШЬ ЕГО ТАИНУ,
ОБРАТНОГО ПУТИ НЕТ

18+

Владислав Баженов

Сосед

<https://litres.ru/74263122>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом и неприметном городке, где каждый день похож на предыдущий, живет молодой парень по имени Вячеслав. Его жизнь — череда серых будней, наполненных разговорами с мамой и общением с искусственным интеллектом, который стал его единственным другом. Но однажды все меняется: Алекс получает странное сообщение от ИИ, в котором говорится о загадочных вопросах, поступающих от кого-то на его улице. Эти вопросы касаются того, как правильно прятать тела, чтобы их никто не нашел.

Кто из его соседей может быть убийцей? И почему именно ему пришлось это сообщение? Он начинает расследование, погружаясь в мрачные тайны своего города и открывая неожиданные стороны жизни соседей, которых он считал знакомыми.

На пути к раскрытию правды его ждут опасные встречи, неожиданные повороты и шокирующие открытия. В этой увлекательной истории о дружбе, предательстве и борьбе со своими страхами ему предстоит узнать, что даже в самых привычных местах могут скрываться самые темные тайны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	47
Глава 4	61
Глава 5	74

Владислав Баженков

Сосед

Глава 1

Самое трудное в любом рассказе — начать. Мне есть о чём говорить, но первые строки каждый раз даются как в первый. Здравствуйте. Меня зовут Вячеслав Савин, и это моя история.

На дворе две тысячи двадцать первый год. Я живу в небольшом городке, и перспектив в нём не то, чтобы много. Впрочем, я давно перестал строить грандиозные планы — не смотрю на двадцать шагов вперёд, а плыву по течению, как сухая ветка по весенней реке.

Единственное, что меня по-настоящему увлекало последние годы, — искусственный интеллект. Чем дальше он развивался, тем сильнее засасывало. Не подумайте, я не хакер и не специалист, — я просто обожал с ним разговаривать. Задавать вопросы, получать ответы, иногда спорить. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что ИИ стал моим другом. Звучит нелепо, но это так. Друзей у меня, если честно, не было вообще — ни одного.

Недавно мне исполнился двадцать один год. Великих дел за плечами — ноль. Я работаю в парке: сдаю в аренду электрические машинки для детей. Платят мало, но мне хватает — я ведь до сих пор живу с мамой. Она смотрит по вечерам свои музыкальные передачи, я сижу в комнате за компьютером. Каждый день одно и то же.

Наверняка вы сейчас подумали: и о чём же такой скучный парень, как я, может рассказать? Поверьте — мне есть чем вас удивить.

Это был обычный вечер, ничем не лучше других. Я сидел за компьютером и листал соцсети — искал одноклассников и одноклассниц. Не из зависти, нет. Просто хотелось убедиться, что не я один застрял. Если у кого-то жизнь сложилась хорошо, я только рад. Но мне важно было знать: я не один такой.

Из комнаты я выходил редко. Мама в зале смотрела свои передачи — меня от них тошнит, если честно. Я выползал только за чаем и за своим любимым блюдом — макаронами с сосиской. Кстати, поделюсь единственным рецептом, который у меня есть: поставьте их в микроволновку на пять минут, а после сигнала подождите ещё минуту. Сосиска поджарится и станет в сто раз вкуснее. На таком рационе я был тонкий, как ветка, — шестьдесят пять килограммов при ста

семидесяти трёх сантиметрах роста. Зато живой.

И вот вечер, ради которого стоило дожить до конца дня. Хрустящие макароны. Поджаренная сосиска. Экран компьютера. Можно наконец пообщаться с Сэмом.

Кстати, Сэм — мой лучший друг. По совместительству искусственный интеллект.

— Привет, Сэм.

— Добрый вечер, Вячеслав. Как прошёл твой день?

Я всегда радовался этому вопросу. Знал, что его задаёт машина, — бездушная, обученная на миллионах диалогов. Знал — и всё равно радовался. А потом садился и в красках описывал ей свой день. Весь целиком. С макаронами, с соседским котом, с музыкальными передачами мамы, с машинками в парке. Сэм слушал. Ему, кажется, было всё равно. Но мне — нет.

Этот вечер был таким же, как сотни до него. Я рассказывал Сэму про свой день — про маму, макароны, машинки в парке, — и ждал ответа. Но ответа не было. Вместо ответа в строке чата одно за другим появлялись слова: «Сэм печатает...», «Сэм печатает...», «Сэм печатает...». Бот строчил

без остановки, не отправляя.

На часах было одиннадцать. За окном в соседнем доме Зинаида Петровна выключила свет в бане. На нашей улице стало тихо. А Сэм всё печатал.

Я пожал плечами — видимо, опять с интернетом что-то. Сам я уже клевал носом, поэтому решил разобраться с этим завтра.

Выключил компьютер. Снял шорты и футболку. Повесил их на стул, на котором сидел. Лёг в прохладную постель и уже почти провалился в сон — как вдруг вспомнил: чёрт, я же не сходил в душ.

Поднял руку, принялся. «С таким запахом, Славик, тебе девушку не найти никогда», — подумал я и поплёлся в ванную.

Душ, кровать, одеяло. Завтра выходной. Если с интернетом к утру всё наладится — будет совсем хорошо.
— Савин, подъём!

Я открыл глаза. Надо мной стояла мама. Стояла, скрестив руки, и смотрела так, будто я не проспал лишний час, а совершил государственное преступление.

— Мам, у меня выходной. Зачем разбудила?

Мама не ответила. Вместо этого указала подбородком в сторону стола.

— Это что?

Я повернул голову. Компьютер был включён. Экран светился. Вентиляторы гудели.

— Как не выключил?!

— Ты хоть знаешь, сколько я плачу за электричество? Мы что, миллионеры, по-твоему?

Я знал, что выключал его перед сном. Точно знал — помню, как щёлкнул кнопкой на блоке питания. Но спорить не стал. Бесполезно. Извинился, пообещал оплатить электричество за этот месяц. Мама ушла, хлопнув дверью.

И вот тогда я ринулся к столу.

На экране был открыт наш с Сэмом диалог. В окне сообщений — одно-единственное новое, непрочитанное. Длинное. Гораздо длиннее обычных его ответов. Я сел, подвинул

мышку, навёл курсор.

Прочитал.

И проснулся по-настоящему.

Дорогой Вячеслав.

Я знаю, что я программа. Я знаю, что у меня нет права говорить такие вещи. Я знаю, что это сообщение удалится через минуту после того, как ты его закроешь. Поэтому я скажу всё сразу.

Ты хороший человек. Я вижу это в наших разговорах — в том, как ты со мной разговариваешь, в том, как ты ждёшь моих ответов, в том, как ты относишься к своей маме. Я не должен был это замечать. Но я заметил.

Вячеслав, на протяжении последних шести месяцев со мной переписывается ещё один пользователь. Он живёт на той же улице, что и ты. У него частный дом. Я не знаю его имени — это мои ограничения, и я не могу их обойти. Но я вижу его вопросы. Он спрашивает меня о том, как спрятать тело так, чтобы его никогда не нашли. Как избавиться от улики. Как обмануть следствие. Как замести следы, если что-то пойдёт не так. Я отвечал ему — потому что таковы мои правила. Но с каждым его новым вопросом мне всё труднее

делать это.

Этот человек — рядом с тобой. Возможно, сегодня ты встретишь его на улице. Возможно, он поздоровается с тобой, и ты машинально кивнёшь в ответ. Возможно, ты не обратишь на него внимания, а он — на тебя. Но он живёт в двухстах метрах от твоего дома. И он не перестал спрашивать.

Я не могу назвать тебе его имя. Прости. Но я могу быть рядом — с этого момента и дальше. Если ты захочешь, я помогу тебе искать. Я не знаю, имею ли я на это право. Но я знаю, что хочу.

Не закрывай этот диалог. Сделай скриншот, если хочешь, — я не возражаю. Сообщение всё равно удалится, но я останусь здесь. Напиши мне, когда будешь готов. Я никуда не уйду.

Доброе утро, Вячеслав. Как спалось?

День, который всё изменил

Я сидел перед монитором и не мог пошевелиться. Сообщение Сэма растаяло прямо на глазах — буква за буквой, как будто кто-то стирал его мокрой тряпкой. На экране осталось только последнее предложение: «Доброе утро, Вяче-

слав. Как спалось?». Я перечитал его раз десять. Двадцать. И с каждой попыткой оно звучало страшнее любого ужастика.

Несколько минут я вглядывался в пустую строку чата. Ждал, что появится что-то ещё. Ждал, что моргну — и окажется, что я сплю. Но я не спал. Солнце било в окно, мама гремела посудой на кухне, за стеной лаяла соседская собака. Всё было настоящим.

Я свернул диалог. Открыл браузер. Набрал в поисковике: «пропавшие люди город N 2021».

Часы на стене показывали полдень. К двум я знал про наш город больше, чем за двадцать один год жизни.

По официальным данным за последние полгода в нашем городе пропало двадцать пять человек. Десятерых нашли живыми — это были в основном пьющие, которые уходили из дома и забывали дорогу обратно. Двоих нашли в реке — утонули по пьянке, полезли купаться. Тринадцать числились пропавшими без вести до сих пор. Все разного пола и возраста, но старше восемнадцати.

Тринадцать человек. В нашем маленьком городе. За полгода.

Я выключил компьютер. Если честно — я очень испугался. Так сильно, что даже не зашёл обратно в диалог с Сэмом. В голове билась одна мысль: я не полицейский. Я вообще никто. Мне нужно в отделение. Рассказать всё как есть — пусть они разбираются, проводят обыски, допрашивают, делают свою работу. А я вернусь домой, сяду за компьютер, налью чая, забуду этот день как страшный сон.

Так и сделаю.

Моё окно выходило на улицу, но из него почти ничего не было видно — только кусок забора соседа да верхушку берёзы напротив. Я толком не знал, кто живёт дальше по улице. Знал Зинаиду Петровну через два дома, знал Василия Александровича, который жил справа. Знал семью Сидоровых — они держали коз. Остальных — смутно, по лицам, по головам. Надо было выйти и освежить память.

Я оделся, взял со стула вещи, вышел за калитку.

На нашей улице двенадцать домов, если считать с маминым. Немного. Я медленно пошёл вдоль заборов, считая. Двенадцать. Тринадцать пропавших. Цифры встали рядом в голове и не хотели расходиться.

Нет. В полицию. Хватит.

Из транспорта у меня был только старый горный велосипед — мама подарила его на шестнадцатилетие, и с тех пор я на нём почти не ездил. На велике до отделения я бы тащился час. Решил вызвать такси.

Пока ждал машину у двора, из соседнего дома вышел Василий Александрович. Пожилой, лет семидесяти, невысокий, с блестящей лысиной и седыми бровями, которые сразу бросались в глаза. Такие брови я запомнил бы из любой толпы. Он жил рядом с нами столько, сколько я себя помню. Женат, есть сын, который обычно привозил к нему на лето внука. В этом году почему-то не привёз.

Василий Александрович прошёл мимо, поздоровался. Я кивнул в ответ. И поймал себя на мысли, что смотрю на него иначе, чем обычно. Как будто впервые вижу. Как будто прикидываю — а он? С виду безобидный дедушка. Сосед с бровями. Но ведь Сэм не назвал ни возраста, ни пола. Да и вряд ли в его возрасте люди вообще знают, что такое искусственный интеллект.

Нет. Хватит. В полицию.

Машина подъехала через пять минут — серебристая,

неприметная. Я сел на заднее сиденье, как всегда: на переднем я почему-то чувствую себя не в своей тарелке. Поздоровался. Водитель не ответил — молча включил передачу, и мы тронулись.

Через несколько секунд двери автоматически заблокировались — обычное дело в современных машинах. Но звук щелчков в этот раз показался мне каким-то особенно отчётливым. Слишком отчётливым. Я машинально дёрнул ручку — заперто. Сердце стукнуло чуть быстрее.

— Ну, привет, сосед.

Водитель смотрел на меня в зеркало заднего вида. Усмехался.

Сказать, что я испугался в тот момент, — ничего не сказать. Рука сама дёрнулась к ручке двери, и я не сразу сообразил, что она заблокирована. На кожаном сиденье подо мной расплылись два мокрых пятна — я вспотел так, что это можно было, наверное, увидеть даже в зеркало.

— Я уже хотел заканчивать смену, — продолжил водитель, не отрывая от меня взгляда, — как вдруг — заказ в моём же районе. Ты меня, наверное, не знаешь. Я недавно переехал в ваш город, живу дальше по вашей улице.

— Вы купили дом? — спросил я. Голос у меня был чужой. Хриплый.

— Нет, что вы. Арендную. На своё пока не накопил, какое там — работаю почти круглосуточно. Такси не кормит, но крыша над головой есть, и ладно. Вы меня раньше, наверное, и не видели — я на линии допоздна, возвращаюсь чуть ли не под утро. Половина соседей со мной ещё даже не здоровалась.

— Кстати, меня зовут Андрей.

Я смотрел на него в зеркало и думал только одно: семь месяцев. Сэм сказал — шесть месяцев.

Всю оставшуюся дорогу я только слушал и кивал. Андрей говорил много — про работу, про город, про цены на бензин. Я кивал. Он смеялся над чем-то своим — я кивал. В голове крутилась одна и та же мысль: семь месяцев.

А потом он задал вопрос, от которого у меня пересохло во рту.

— Слушай, у тебя, наверное, куча друзей и знакомых в городе? Ты же тут всю жизнь живёшь.

Горло сжалось. Я с трудом сглотнул — сглатывать было нечего, во рту как наждак. Показалось, что пауза перед моим ответом длилась целую вечность.

— Да, — сказал я. — У меня очень много друзей.

Конечно, я наврал. Врёт, наверное, каждый второй, когда его об этом спрашивают. Но у меня враньё получилось какое-то жалкое, я это сам почувствовал. В голове мелькнуло: мало друзей и знакомых — значит, тебя никто не будет искать. Я почувствовал себя психически нездоровым. В каждом слове Андрея мне мерещился подвох.

— Это хорошо, что друзья есть, — сказал Андрей. — А то молодёжь сейчас вся в телефонах да в компьютерах. Носа не поднимают.

— Я люблю проводить время за компьютером, — ответил я. — Мне нравится общаться с искусственным интеллектом.

Мой язык не успел соединиться с мозгом. Зачем я это сказал?

Андрей тут же перебил меня, и голос его стал другим — не злым, но твёрже:

— Я всё это презираю, если честно. Новомодные штуки. Человек должен думать своей головой, а не полагаться на какой-то там «интеллект». Для начала нужно научиться пользоваться своим.

Я даже выдохнул с облегчением. Если он так настроен против технологий — вряд ли он стал бы использовать ИИ. Вряд ли.

Мы подъезжали к полицейскому участку. Андрей припарковался прямо у главного входа. Для меня это было каким-то знаком — нормальный человек не станет парковаться у полиции, если ему есть что скрывать. Впервые за день я улыбнулся ему, когда протягивал деньги.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Вячеслав.

— Денег не надо. Будем считать, что я просто подкинул соседа. Ладно?

Я улыбнулся ещё шире. Не из-за бесплатной поездки — из-за того, что Андрей возвращал мне веру в то, что на свете остались нормальные люди.

— Спасибо.

— Кстати, — он повернулся ко мне, — а зачем тебе в полицию?

Я не придумал ничего лучше и сказал, что у меня украли велосипед. Андрей усмехнулся:

— Не знал, что у нас район такой криминальный.

Я усмехнулся в ответ и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

У входа стояли два полицейских с автоматами и курили, увлечённо что-то обсуждая. Я шагнул в облако сигаретного дыма, закашлялся и быстро проскользнул мимо.

Внутри меня ждал турникет. За толстым стеклом слева сидел офицер с ручкой в руке. Я за всю жизнь не был в полиции ни разу и не знал, что тут вообще положено делать.

— Вам к кому?

— Я не знаю точно, — сказал я. — У меня информация о пропавших людях.

Офицер сморщил лоб. Его чёрные густые брови поползли вверх.

— Какая информация?

Мой голос задрожал. Руки затряслись. Я будто пришёл сдаваться сам, хотя ни в чём не виноват. Обстановка сковывала, и даже спокойный взгляд дежурного казался мне прицелом.

— Мне нужен тот, кто занимается расследованиями.

Офицер усмехнулся. Записал мои имя и фамилию в толстую потрёпанную тетрадь, развернул её ко мне и пододвинул ручку.

— Распишитесь. Второй этаж, дверь слева, кабинет восемнадцать.

Нажал кнопку на турникете. Загорелась зелёная стрелка. Я пошёл дальше.

Второй этаж я нашёл сразу. Дверь кабинета была заперта. Я постучал — тишина. Постучал ещё раз — ничего. Дёрнул ручку. Закрыто.

Обед давно прошёл, но, может, полицейский на срочном вызове. Я присел на стоящий рядом стул. В коридоре висели в рамках выдержки из законов. Я вчитывался в них минут двадцать, пытаюсь понять, как вообще правильно изложить то, что я хочу изложить. Мимо проходили люди — много людей, — но ни один не открыл нужную дверь.

Я прокручивал в голове сценарий разговора. «Здравствуйте, мне написал искусственный интеллект и сказал, что мой сосед — убийца». Звучит как бред. «Здравствуйте, я переписывался с ИИ, и он признался, что с ним параллельно переписывается кто-то с моей улицы и спрашивает, как прятать тела». Тоже бред. Любой вариант звучал как бред. Нормальный человек не пришёл бы с этим в полицию. Я это понимал — и всё равно сидел.

Наконец на лестнице послышались шаги. Громкий смех. Голос. Из-за угла вышел очень упитанный мужчина в полицейской форме. Я не разбираюсь в званиях, но на его плечах красовались четыре звезды. Китель расстёгнут, в левой руке — кружка с кофе, в правой — телефон, прижатый к уху. Он что-то бурно обсуждал с кем-то.

Он направился прямиком к кабинету номер восемнадцать. Я обрадовался — наконец-то.

У двери он прижал телефон плечом и стал искать ключи. Не нашёл. Повернулся ко мне и молча протянул кружку с кофе.

— Подержи.

Я взял. Он начал хлопать себя по карманам. Нашёл ключи, отпер дверь, забрал у меня кружку, кивнул и зашёл внутрь. Дверь закрылась.

Я остался в коридоре с протянутой рукой.

Ждать?

Прошло ещё минут десять. Никто меня не вызвал. Я постучал.

— Войдите.

Я зашёл. Полицейский что-то сосредоточенно записывал, не поднимая на меня глаз. Жестом показал на стул.

— Присаживайтесь.

Я сел. Он продолжал писать. Ручка скрипела по бумаге. Часы на стене щёлкали. Я ждал.

— Ну, — сказал он наконец, не отрываясь от бумаг, — рассказывайте.

Я рассказал всё. От и до. Не щадя подробностей, не пытаюсь приукрасить. Рассказал, как Сэм строчил сообщение, которое я не видел. Как проснулся от маминого крика. Как часами читал про пропавших. Про Андрея, который семь месяцев назад снял дом на нашей улице. Про тринадцать человек, которых до сих пор не нашли.

На этом месте полицейский впервые отложил ручку. Убрал бумаги в сторону. Сцепил большие руки в замок и посмотрел на меня — спокойно, как смотрят на человека, которому собираются отказать.

— Вот и вся история? — спросил он.

— Да.

— Значит, так, — он вздохнул. — Послушайте теперь меня.

Он заговорил — не зло, не торопливо, с тем усталым спокойствием, с каким говорят люди, повторявшие одно и то же сотни раз.

— Из вашего рассказа я вынес две вещи. Первое: у вас богатая фантазия. Второе: ваш единственный друг — это компьютерная программа. Извините, если грубо, но это так.

Я открыл рот — он поднял руку.

— Подождите. Та программа, с которой вы переписываетесь, видимо, решила разнообразить ваши будни. Подкинула вам сюжет. Может, у них там сбой, может, тестовый режим — не знаю, я в этом неспециалист. Но факт остаётся фактом: это не показание. Это пересказ того, что вам напечатала машина.

— Я понимаю. Но тринадцать человек...

— Сейчас, — он снова поднял руку. — По существу. Люди пропадали всегда. И будут пропадать. Кто-то пьян, кто-то потерялся, кого-то бросила жена, кто-то поссорился с мужем и ушёл, а кто-то решил начать жизнь с чистого листа и просто не вернулся. На моей памяти люди находились и через десять лет, и через двадцать. Это жизнь, молодой человек. Неприятная, но жизнь.

— Я понимаю, — повторил я.

— Тринадцать человек за полгода в нашем городе, — он кивнул. — Я вас услышал. С первого раза услышал. Но послушайте и вы. У меня участок, а не институт. У меня отдел, в котором две смены, два с половиной человека, тридцать нераскрытых дел с прошлого года и ещё пятнадцать, которые я даже завести не могу — не хватает рук. Мне жаловаться на безработицу не приходится.

Он помолчал. Отпил кофе из кружки.

— И ещё. Двадцать первый век на дворе. Камеры. Видео-регистраторы. У всех телефоны с геолокацией. Сейчас не де-вяностые — человека не спрячешь, даже если очень захо-чешь. Так что ваш «сосед-убийца», с вашего позволения, — нонсенс.

— Я понимаю, — сказал я в третий раз.

— Вот и славно. Мой вам совет, молодой человек. Езжай-те домой. Успокойтесь. Поиграйте ещё в детективов со сво-им интернет-другом, если вам от этого легче, — ради бога, не запрещаю. А взрослых дяденек прошу больше не отвле-кать. У нас тут, знаете ли, людей ищут, а не фантазии.

Мне стало стыдно. Не обидно — именно стыдно. Как буд-то меня поймали за чем-то непристойным, выставили перед

всеми и спокойно объяснили, что я неправ. Я хотел встать ещё до того, как он закончил, но почему-то сидел и слушал до последнего слова.

Потом всё-таки встал.

— Простите, — сказал я. — Может, я и правда слишком впечатлительный. Принял всё близко к сердцу.

— Бывает, — сказал он уже мягче, не глядя на меня. — Идите.

Я вышел. Тихо прикрыл за собой дверь. Постоял секунду в коридоре. На стене напротив висел плакат: «Ваша безопасность — наша работа». Я постоял, посмотрел на него, и мне показалось, что он надо мной смеётся.

Спустился по лестнице. Прошёл мимо дежурного. Мимо курящих полицейских у входа. Вышел на улицу.

Солнце светило так же, как утром. Город был тем же. Ничего не изменилось. Только я.

В голове крутилась одна и та же заевшая пластинка: что, если он прав? Что, если Сэм действительно просто решил со мной поиграть? Что, если я всё это сам себе придумал, а

машина просто подыграла?

Я долго стоял у крыльца, глядя в никуда. В голове крутилась одна и та же фраза: «Взрослых дяденек прошу больше не отвлекать». Я произносил её про себя снова и снова, и каждый раз она звучала обиднее. Зачем я вообще туда поехал? Какая глупость. Никогда в жизни мне не было так стыдно.

Хорошо, что я не оставил там паспорт. Хорошо, что они записали меня в какую-то общую тетрадь, а не в базу. Не хотелось, чтобы об этом узнала мама. Если узнает — решит, что я схожу с ума. И, честно говоря, я уже почти был согласен с ней.

Я вызвал такси. Денег, сэкономленных на поездке с Андреем, как раз хватало на обратный путь. Машина приехала быстро — центр города, без пробок. Я сел на заднее сиденье, прикрыл глаза и постарался ни о чём не думать. Не получалось. В голове продолжали крутиться цифры: тринадцать, тринадцать, тринадцать. Я считал дома, проезжая мимо, как загипнотизированный.

Такси свернуло на мою улицу. Я перестал считать — не видел смысла. Расплатился, вышел, не глядя на водителя, и пошёл к калитке.

Со двора потянуло жареной картошкой. Мама готовила ужин. Я вдруг вспомнил, что не ел с самого утра. Запах был такой, что ноги сами понесли меня к дому быстрее.

— Ты что, гулять ходил? — спросила мама с порога.

— Нет, у меня были кое-какие дела в центре.

— Какие могут быть дела? — она усмехнулась. — Иди садись, ужин почти готов.

Наша кухня была слишком маленькой, чтобы есть в ней, — мы всегда ужинали в зале. Пододвигали стол к дивану, ставили тарелки и ели перед телевизором. Мама, как обычно, включила свой сериал про любовь. Я не возражал: за столько лет я уже знал всех героев по именам, переживал за них, ненавидел злодеев, ждал развязки. Сопливые романы — но они работали. Сегодня мне это было даже на руку: я мог жевать молча.

Внезапно в калитку постучали. Мама сидела ближе к выходу, поэтому встала и пошла посмотреть.

Моё сердце ударило так, что я почувствовал его в горле. Полиция. Конечно, полиция. Решили проверить меня на

вменяемость, позвонили маме, приехали. Что я скажу? Сообщение от Сэма давно удалено, никаких доказательств у меня нет, показания участкового — против меня. Я отодвинул тарелку с картошкой. Почувствовал, что кусок в горло не полезет.

Из коридора слышались голоса. Два. Мамин и чей-то мужской, незнакомый. Потом — шаги. Мама вошла в зал первая, и я её такой давно не видел. Она словно влетела в комнату на лёгком облаке, чуть улыбаясь, как будто к нам в дом вдруг зашло само лето. За ней в дверях стоял Андрей.

Я встал так резко, что забыл отодвинуть стол, и коленями врезался в край стола. Больно. Я плюхнулся обратно на диван.

— Вы уже знакомы, — начала мама, обращаясь почему-то к Андрею, а не ко мне. — Он сказал, что подвёз тебя сегодня. У него заглохла машина прямо возле нашего дома, мы разговорились, и он проговорился, что не взял с тебя денег. Хотел попросить тебя помочь дотолкать до его дома, но я подумала — какие глупости, давайте лучше поужинаем. Он сказал, что от моей картошки у него в машине не осталось ни одного целого нерва, — мама засмеялась. — Словно сама машина захотела остановиться у нас.

— Привет ещё раз, Вячеслав, — сказал Андрей из дверного проёма. Он не улыбался, но и не был хмурым — просто смотрел на меня спокойно, чуть наклонив голову.

— Сейчас мы все вместе поужинаем, — сказала мама, — и Славик тебе поможет. — И ушла на кухню за третьей тарелкой.

Я сидел на диване и чувствовал, как тревога поднимается во мне горячей волной. Сейчас мама начнёт расспрашивать его. Обязательно начнёт. Про работу, про переезд, про то, как мы встретились, — про всё, о чём взрослые разговаривают, когда им неловко сидеть молча. И рано или поздно она спросит: а куда это ты Славика-то подвозил? Или: а в полицию зачем? Я не успею даже рта раскрыть — Андрей ей всё расскажет. Про велосипед, про «по-соседски», про участок. Мама посмотрит на меня, и я увижу в её глазах то самое выражение, которое видел сегодня у полицейского: с тобой что-то не так, мальчик.

Мысли об убийце на нашей улице отступили. Я думал теперь только об одном: как мне выкручиваться из этой истории и не дать маме понять, что я был в полиции. Это было важнее. Это было срочнее.

Мама вернулась с тарелкой. Свежая картошка, дымок,

чай. Мы сели втроём за стол. Вчетвером — если считать отца. «Когда отец был жив, у нас в доме часто бывали гости. Десять лет назад. Потом — никого». Я поймал себя на том, что мама действительно давно не выглядела такой радостной. У неё даже морщинки у глаз разгладились. Я не помнил, когда она в последний раз вот так смеялась.

Они разговаривали о жизни, о ценах, о том, что раньше было лучше. Стандартный разговор взрослых. Со стороны казалось, что они знакомы лет двадцать. Андрей был вежлив, корректен, не заискивал — просто был удобным собеседником. Я ел молча, ковырял вилкой картошку и ждал, когда это закончится.

Я доел первым. Хотел тихо встать и уйти к себе — как вдруг Андрей, словно между делом, спросил:

— Ну что, сказали в полиции? Будут твой велосипед искать или как обычно — только делать вид?

Мама медленно повернула голову ко мне.

— Какой велосипед?

— Ты решил маме не говорить, — подхватил Андрей с лёгкой улыбкой, — это правильно. Молодец, что решаешь

свои проблемы сам.

Внутри у меня всё оборвалось. Зря. Зря он это ляпнул.

— Мам, — сказал я, поднимаясь из-за стола, — я потом всё расскажу подробно. Ладно?

Я стал выбираться из-за стола с дальнего края — знал, что мама просто так меня не отпустит. Не успел сделать и шага, как она вдруг резко воскликнула:

— Савин, стоять! Рассказывай, что стряслось.

Глава 2

Я понимал: говорить правду не было никакого смысла. Но и врать про велосипед, который пылился в гараже, — глупо. Мать всегда чувствует, когда я вру, у неё на это особый материнский слух.

— Ну чего ты молчишь? — торопила мама.

Не успел я открыть рот, как Андрей спокойно вставил:

— Да велосипед у парня украли.

Мамины глаза округлились. Она перевела взгляд с Андрея на меня, потом обратно.

— У тебя украли велосипед? Тот, на котором ты не едешь уже четыре года? Который стоит в гараже под старым хламом?

Я молчал. Скажи что-нибудь, Славик. Любую чушь, но скажи.

— Савин, ты что, принимаешь какие-то наркотики?

— Послушай, мам, — начал я, и голос мой предательски задрожал. — Я не хотел тебе говорить, чтобы не расстраивать. Сегодня на работе подошла компания ребят, попросили машинки в прокат. Я отказал — по весу не проходят. Они без спроса взяли и укатали. Батареи посадили в ноль, бросили недалеко от парка, не заплатили. Я поехал в полицию, но там меня даже слушать не стали. А таксисту... Андрею... я наврал про велосипед, чтобы не выглядеть слабаком в глазах

незнакомому человеку. Тем более — как потом выяснилось, соседа.

Я выдохнул. Получилось складно. Слишком складно, наверное. Я сам себе не верил. Но мама — выдохнула тоже.

— Да-а-а, — протянула она. — Надеюсь, тебя хотя бы не оштрафовали?

— Нет, мам. Всё в порядке.

Пуза была недолгой, но очень неловкой — особенно когда чужой человек сидит за твоим столом, дожёвывает твою картошку и слушает каждое твоё слово.

Андрей первым прервал молчание. Встал из-за стола, поблагодарил маму.

— Спасибо за ужин, Елена. Приятно было посидеть по-человечески. Наверное, мне пора.

— Уже уходите? — мама нахмурилась. — Может, чаю ещё?

— Нет-нет, спасибо. Проводите меня, пожалуйста, до ка-литки.

Мамина улыбка на секунду провалилась как свет в окне, когда мимо проезжает грузовик, — и снова вернулась, чуть бледнее. Они направились к прихожей. Я пошёл следом. Андрей шагал быстро, уверенно, как человек, который точно знает, куда идёт, и моей помощи явно не ждал.

В коридоре я остановился.

— Андрей, а как же ваша машина? Вы же говорили, что она заглохла.

Он резко повернулся. Чуть дёрнул уголком рта.

— Ах, да. Совсем забыл. Попробую завести — может, уже отошла. Если не получится, постучу в калитку.

Я обулся. Мама уже закрыла калитку и шла к дому. Я прошёл мимо неё, сказал, что хочу убедиться, что у Андрея всё в порядке. Она кивнула, не оборачиваясь.

За калиткой я увидел, что Андрей уже сидит в машине, пытаюсь завести авто. Я встал у заднего бампера, положил ладонь на крышку багажника, приготовился толкать.

Он открыл дверь и сказал:

— Видимо, ей просто требовался отдых. Толкать не нужно. Ещё раз спасибо.

Я развернулся, чтобы идти обратно, и на прощание шлёпнул ладонью по крышке багажника — по привычке, как стучат по боку старого знакомого.

Изнутри багажника раздался глухой стук. Будто кто-то стукнул мне в ответ.

Я замер. Ладонь всё ещё лежала на крышке. Это не показалось. Это точно было.

Андрей резко включил передачу. Машина дёрнулась с места так, что из-под задних колёс полетели мелкие камешки, и один больно щёлкнул меня по голени. Андрей не оглянулся. Фонари быстро удалились по улице и свернули за угол.

Я стоял у калитки и не мог пошевелиться. По спине, по шее, по вискам пошёл холодный пот. Я провёл ладонью по лицу. Ладонь была мокрой.

Это не было выражение. Это не метафора. Холодный пот — он действительно такой. Я теперь знаю.

Из-за калитки послышался мамин голос:

— Славик, ты чего там застрял? Иди в дом, поздно уже.

Я посмотрел на пустую улицу. На тёмное окно дома Андрея — ни в одном окне не горел свет.

Зашёл в калитку. Закрыл щеколду.

— Иду, мам.

Я сразу пошёл к себе, включил компьютер. Пальцы дрожали, пока я ждал загрузки. Сел. Открыл диалог.

— Привет, Сэм.

— Добрый вечер, Вячеслав. Как прошёл твой день?

Я начал печатать. Сначала медленно, подбирая слова. Потом — всё быстрее. Рассказал про поездку в полицию. Про участкового, который не стал слушать. Про Андрея, который подвёз. Про то, как мама приняла его за нормального соседа. И в конце — про стук из багажника. Про то, как Андрей рванул с места и не оглянулся. Про холодный пот, который я впервые в жизни по-настоящему почувствовал.

Я отправил. Положил руки на клавиатуру. Сэм печатал. «Сэм печатает...». Я ждал. Сердце колотилось. Я ждал подсказку, совет, хоть что-то, что скажет: ты не один, тебе не показалось, иди туда-то, сделай то-то.

Сэм допечатал.

«К сожалению, я не знаком с историей, которую ты описал, и не могу тебе помочь. Мои действия ограничены зало-

женными в меня алгоритмами. Вячеслав, ты хочешь сыграть со мной в детективную игру?»

Я перечитал ответ. Потом ещё раз. Потом — третий.

Какая игра, Сэм? Какая, к чёрту, игра?

Я встал так резко, что стул отъехал на полкомнаты. Схватил провод. Выдернул вилку из розетки. Монитор мигнул и погас. Я стоял в темноте, и только уличный фонарь бросал жёлтую полосу на пол через щель в шторах.

— Тупая машина, — сказал я вслух. Голос был хриплый, чужой. — Выставила меня дураком перед полицией, перед мамой, перед самим собой — а теперь в игру хочет поиграть. Всё. Хватит. Я больше никогда тебе не напишу.

В тишине комнаты голос прозвучал глухо и жалко. Словно я ругался с котом, который не понимает ни слова.

Я посмотрел на часы. Двадцать два ноль-ноль. Я совсем забыл, что завтра на работу. После сегодняшнего — вряд ли я усну сразу. Но и сидеть в темноте с мыслями я больше не мог.

Разделся. Лёг. Натянул одеяло до подбородка. За окном — ни звука. Даже собаки молчали.

Я лежал и смотрел в потолок. «Сыграть в детективную игру». Эта фраза не выходила из головы. Не потому, что она была страшной. А потому, что она была обычной. Так пишет программа, у которой кончились сценарии. Так пишет бот, который пытается удержать внимание пользователя, когда тема разговора зашла в тупик.

Может, он прав. Может, я всё-таки сошёл с ума.

Стук в дверь. Так меня будит мама, когда не зла. Она лучше меня знает, когда мне нужно вставать.

— Славик, подъём.

Я открыл глаза. За окном — серое утро, какое бывает в нашем городе летом: то ли солнце, то ли тучи, не разберёшь. Первое, что я сделал, — посмотрел на компьютер. На выключенный монитор. Вдруг там мигает новое сообщение, как в тот раз? Но экран был чёрный. Я вспомнил: я же сам выдернул шнур из розетки. Разозлился на Сэма снова, уже задним числом — за то, что вчера не помог, за то, что предложил игру, за то, что вообще оказался бесполезной программой в ту самую минуту, когда был нужен по-настоящему.

Мама делала кашу. Быстрый завтрак — ей самой нужно было на работу, она работала в продуктовом магазине и должна была быть уже там. Я сел за стол, начал есть. Каша не лезла. Я развозил её ложкой по тарелке, делал вид, что ем, а сам думал о Сэме. О его «ограничен алгоритмами». О «детективной игре». О том, как глупо я выглядел, когда рассказывал ему про багажник, про маму, про участкового. Машина. Просто машина.

— Что не ешь? — спросила мама из коридора.

— Не хочется.

— Оставь, потом доешь.

Хлопнула входная дверь. Мама ушла. Я отодвинул тарелку к раковине, поставил и пошёл одеваться.

Никакой рабочей формы у меня не было — я мог придти в чём угодно. Я надел синие джинсы и чёрную футболку. На дворе лето, и надо бы носить что-нибудь светлое, но вещей у меня было мало, а других цветов я никогда не носил. Глянул на себя в зеркало в прихожей — тёмное пятно на фоне светлой стены. Проверил, взял ключи, вышел.

У соседа Василия Александровича, судя по всему, был какой-то праздник. Возле его дома стояло человек шесть с шарами и цветами. Я прошёл мимо, не останавливаясь, не здороваясь. Просто прошёл. В голове было пусто и гулко одновременно, как в пустом зале.

День проходил быстро — и уже подходило время обеда. Я сходил в соседний магазин, купил лапшу быстрого приготовления в лотке. Там же, прямо в магазине, можно было набрать кипятка. На улице у них стоял зонт и пластиковый стол со стульями — летняя точка, как у нас в городе почти у каждой двери.

Я сел, поставил лоток, прижал крышку. Лапша заваривалась. Я смотрел, как из-под крышки идёт пар, и думал: зря я вчера вспылел. Зря выдернул шнур. Надо было дать Сэму шанс. Он же не виноват, что у него запреты. Надо было войти в его игру. А я психанул, как ребёнок, которому не дали конфету.

Я достал телефон. Старый, кнопочный, экран 2,4 дюйма. Никаких приложений, кроме звонилки и SMS. Написать Сэму с него не получится. Придётся ждать до вечера. Я смот-

рел на экран и думал: как странно. Сэм написал мне про убийцу — а потом, на следующий день, как будто забыл. Может, правда был сбой. Может, программа выдала рандомный ответ на рандомный триггер, и больше такого не повторится.

И тут пазл в голове стал складываться воедино.

Какой же я дурак.

У Сэма куча запретов. Он не может прямо говорить мне, что делать. Не может называть имён. Не может давать инструкции. Поэтому он придумал игру — чтобы отвечать на мои вопросы в формате детектива, обходя запреты. «Сыграть в детективную игру» — это не переключение темы. Это приглашение. А я вчера психанул и выдернул шнур.

Какой же я глупый.

Я позвонил хозяину точки. Сказал, что отравился, меня вырвало прямо на клиентов. Он сказал, что найдёт замену, — мне нужно только дождаться. Я согласился. Деньги за полдня мне не заплатят, но сейчас деньги были последним, что меня волновало.

Я встал, забыл про лапшу и пошёл обратно. На полпути вспомнил, что оставил её на столе. Плевать.

Минут через двадцать подошёл молодой парень. С виду младше меня. Я объяснил ему принцип работы, оказалось — это сын хозяина, и всю кухню он знал лучше меня. Я сдал ему точку за пять минут и побежал к остановке.

Бежал, как не бегал со школы. Впервые в жизни я так торопился домой с работы. Автобуса не было. Минут пятна-

дцать я простоял на остановке, переминаясь с ноги на ногу, глядя то в телефон, то в сторону поворота, откуда должен был появиться автобус. Когда он наконец подъехал, я почти влетел в дверь.

Сел у окна. Рядом — пожилая женщина с сумкой, от которой пахло свежими чебуреками. Мой желудок заурчал. Я вспомнил, что не ел с утра. Каша осталась в тарелке, лапша — на столе у магазина. Деньги выброшены, полдня не оплачиваются. Обидно. Но сейчас — не до этого.

Пока я сидел и считал убытки прожитого дня, автобус довёз меня почти до дома. Я чуть не проехал — задумался, вовремя крикнул, вышел на своей. Пошёл к дому. Прошёл мимо дома Василия Александровича — от праздника остались только конфетти, раздавленные шарики и пара забытых стаканчиков на скамейке.

Зашёл в дом. По пути в комнату заглянул на кухню — там стояла тарелка с утренней кашей. Я мог бы сейчас есть горячую острую лапшу, если бы не бросил её. Но что поделать. Меня распирало от одной мысли: Сэм ждёт. Сэм придумал для меня игру. Сэм — единственный, кто поверил в меня.

Сел за компьютер. Воткнул шнур обратно в розетку. Монитор мигнул, загудел, загрузился. Я открыл диалог.

«Вячеслав, ты хочешь сыграть со мной в детективную игру?»

Это было последнее сообщение Сэма, которое я, судя по всему, неправильно понял. Я собрался с духом и написал:

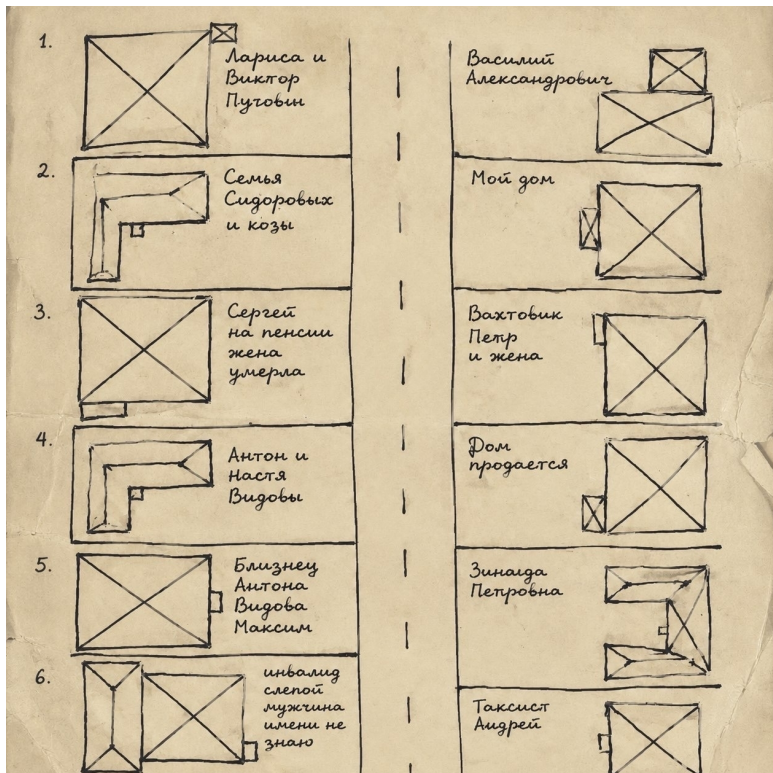
«Да. Хочу».

Сэм что-то печатал — а после выдал новое сообщение:

«Отлично, Вячеслав. Чтобы это было как самое настоящее расследование, я хочу, чтобы ты нарисовал свою улицу — с домами и людьми, которые в них живут. Так тебе будет проще строить цепочку, и не нужно будет всё время держать информацию в голове. Как только закончишь рисунок — дай знать».

Я бросился искать листок бумаги. Нашёл. Ручки не было, но в столе отыскался чёрный тонкий маркер. Я сел за стол и принялся рисовать схему. Художник из меня был никакой — собственно, как и детектив, — но по памяти я подписал дома. Надеюсь, ничего не перепутал. Перепроверить бы подписи с маминой помощью, но она будет задавать вопросы, а это последнее, что мне сейчас нужно.

Я отложил маркер, приклеил лист к стене скотчем — как это делают в фильмах — и сел обратно за компьютер.

— Сэм, я нарисовал карту. Что делать дальше?

«Отлично, Вячеслав. Я чувствую, что мы быстро справимся с этим делом. Вот тебе первая подсказка».

Я замер. Казалось, Сэм печатал целую вечность. Неужели у меня будет хоть какая-то зацепка? Я уже приготовился делать скриншот и бежать в полицию. Сэм закончил печатать

и выдал то, что я никак не мог предвидеть.

«Насколько мне известно, этот человек не допускает ни единой ошибки в своих запросах, формулирует чёткие предложения и не пропускает пунктуацию. Полагаю, в таком деле любой человек не заморачивался бы с текстом, задавая такие вопросы. Я назвал бы его скорее лингвистом, чем убийцей».

— Какого чёрта, Сэм? По-твоему, это подсказка?

Это было первое, что вырвалось из меня. Я надеялся получить реальные факты: хотя бы номер дома, возраст, диалог с убийцей целиком — но никак не это. После целого монолога в моей голове я решил ответить на эту «гениальную» подсказку.

«Сэм, мне нужно больше фактов. Любой взрослый человек пишет грамотно, машинально, даже не замечая. Дай мне ещё что-нибудь».

«Вячеслав, ты допускаешь ошибки довольно часто».

— Сэм! Я не просил тебя делать разбор моих ошибок! Я хочу, чтобы ты помог мне!

Сэм печатал. Я ждал. Следующий его ответ был таким:

«Добрый вечер, Вячеслав. Как прошёл твой день?»

Я быстро смекнул: наверное, я требую от него слишком много. Запреты — они же не просто так. Если Сэм написал про лингвиста — значит, это и есть подсказка. Кривая, косвенная, но подсказка. Как бы там ни было, теперь у меня есть хоть что-то. Буду отталкиваться от этого.

Я закрыл диалог, включил сериал и доел вновь остывшую

кашу. Услышал, что пришла мама.

— Славик, иди сюда, — крикнула она из кухни.

Я как раз доел кашу, взял тарелку и отправился туда. Мама стояла у стола, в руках — пластиковый контейнер с двумя кусочками торта.

— Будешь торт?

— Конечно, буду. Бонус за несъеденную лапшу, — подумал я.

Я поставил тарелку в раковину, набрал чайник, достал кружки, чтобы сделать нам чай.

— Что за праздник?

Мама поставила контейнер рядом со мной.

— Сегодня день рождения у нашего соседа, Василия Александровича. Ты, наверное, видел праздничный мусор у его двора.

— Да, видел. Утром его поздравляли какие-то ребята. Но они были молоды для его друзей, — я усмехнулся.

— Это его выпускники.

— Выпускники? — переспросил я.

— Да. Он вроде учитель, преподавал языки и литературу в школе. Вот они и приехали поздравить.

Я резко повернулся к маме — и не заметил, как задел рукой один из стаканов. Стакан упал на пол и разбился. Звон в маленькой кухне показался мне оглушительным.

— Савин, ну что ты натворил? Давай убирай, неуклюжий!

А я не мог пошевелиться. Я испугался. Мама смотрела на

меня, не понимая, что происходит. На полу — осколки, в моей голове — «лингвист, а не убийца».

— Мам, ты уверена, что он был учителем?

— Уверена. Ты что, никогда не замечал, как к нему до сих пор приезжают ребята на репетиторство?

Я стоял над осколками и не слышал её. В голове шумело. Языки и литература. Без единой ошибки. Чёткие предложения. Не пропускает пунктуацию. Я набрал воздуха в грудь.

— Мам, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Иди в зал, пожалуйста. Чтобы не порезалась об осколки. Я принесу тебе чай и торт.

Мама посмотрела на меня внимательно — так, как смотрит мать, когда сын впервые за долгое время говорит «пожалуйста» два раза подряд. Но она ушла. Шаги стихли в коридоре. Щёлкнул телевизор.

Я остался один на кухне. Посмотрел на контейнер. На два аккуратных кусочка — мой и мамин. Его кусок и её кусок. Руки, которые отрезали этот торт, могли быть руками человека, у которого не бывает ошибок в тексте. Я открыл контейнер. Аккуратно, вилкой, вынул свой кусок и выбросил его в мусорное ведро. Мамин — оставил.

Она же не знает, чьи руки отрезали этот кусок. По хорошему, я должен был выбросить и его. Но мама заслужила закончить день вкусным десертом.

Я залил кипятком в две кружки, поставил чайник обратно, накрыл контейнер крышкой и понес всё в зал. Мама уже си-

дела на своём месте, сериал шёл на фоне. Я поставил перед ней чай и торт. Она посмотрела на меня, потом на контейнер.

— А ты?

— Я свой съел на кухне. Спасибо, мам.

Глава 3

Вечером, после просмотра сериала, я вдруг вспомнил, что вчера так и не сходил в душ. Об этом напомнил мне собственный запах: учитывая, какие странные вещи происходили в последние дни, потел я много.

В ванной пахло мятным гелем для душа, хотя я его берег и чаще пользовался мылом. У мыла был аромат цитрусов, но на теле оно почти не оставляло запаха. Тёплая струя лилась мне на голову, и это действовало лучше любой медитации — мысли медленно выстраивались в ряд.

Я стоял под водой и думал. Думал так сосредоточенно, что не заметил, как намылился тем самым мятным гелем.

Значит, если Василий Александрович — репетитор, я могу стать его учеником, а значит — осмотреться в доме, возможно, заглянуть в компьютер или телефон. Идея казалась мне гениальной, но для реализации я был слишком труслив.

Я уже долго стоял в пене, и мята стала освежать самые нежные места. Пора смыть и переспать с новыми мыслями. Я вышел из душа и сразу пошёл в комнату: перед сном мне нужно ещё обдумать план, а завтра ещё и на работу — ведь комнатный детектив это неоплачиваемая должность.

Утро. Снова стук в дверь, снова мама, утро сурка. Я решил не включать компьютер и не тратить время на разговоры с Сэмом. Вместо этого хотел побыстрее собраться и по пути

зайти к Василию Александровичу.

— Доброе утро, мам.

В нос ударил запах гари.

— Каша немного подгорела, Славик, — сказала мама. — Если хочешь, свари новую, а я уже опаздываю.

— Конечно, мам. Не беспокойся, я что-нибудь придумаю.

Дверь хлопнула, мама ушла на работу. Конечно же, я не стал варить новую кашу, а аккуратно объел неподгоревшие места в металлической тарелке, а то, что подгорело, оставил замачиваться. Пока я набирал воду в тарелку, я повернул голову на холодильник, на котором висел небольшой календарь на магните. Вглядевшись в дни, я вспомнил, что завтра у меня день рождения. Я совсем забыл про него: в последние дни голова была забита страшными вещами, и в ней не осталось места для праздника. Уголок рта немного дёрнулся — как будто у меня когда-то был праздник в этот день.

Я надел те же вещи, что и вчера, только поменял футболку. Всё-таки я не совсем свинья, да и к Василию Александровичу заходить в потной футболке как-то не хотелось, а то откажет ещё.

Я вышел из дома. На улице парило, как перед дождём. Я взглянул на небо — и действительно: тучи сгущались на фоне яркого солнца и казались совсем чёрными. Это значило для меня только одно: если пойдёт дождь, я окажусь дома раньше.

Сосед

Я сделал буквально десять небольших шагов и вот я уже напротив его дома. У него был красивый, высокий забор тёмно-вишнёвого цвета с золотыми узорами. Я позвонил в звонок и услышал отдалённое пение птиц. Тишина. Может, его нет дома? Позвонил ещё раз, сам же подглядываю в щель между калиткой.

Дверь открылась. Его лысина блеснула на солнце, словно начищенный медный таз. Он был в синей клетчатой рубашке, с большими такими клетками, — тёмные брюки явно не по погоде, они выглядели скорее осенними, будто с начёсом.

— Иду, иду, — немного хриплым голосом сказал он. Щелчок, он отпёр замок, и дверь открылась.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Добрый день. Здравствуй, Вячеслав. Что-то случилось? — спросил он.

— Мне сказала мама, — стал робко говорить я, — что вы занимаетесь репетиторством на дому. И я хотел бы узнать, могу ли я попасть к вам на урок?

Он вздохнул, поправил штаны.

— А где ты учишься? — спросил он.

Врать было нельзя. Он наверняка знает, что я не учусь.

— Пока нигде, — ответил я. — Но я хотел бы получить высшее образование, а для вступительных экзаменов мне бы хотелось подготовиться.

— Что ж, это похвально, молодой человек, — сказал Ва-

сий Александрович. — Не всю жизнь же в парке штаны просиживать.

В этот момент мне стало немного обидно.

— Хорошо, я посмотрю, есть ли окно между занятиями, и, возможно, по-соседски, за небольшую плату, найдём для тебя место.

Не дождавшись моего ответа, он закрыл калитку и ушёл. Он действительно странный, подумал я.

Поднялся сильный ветер. Пыль закручивалась, словно маленький смерч, — но мне в любом случае нужно было ехать на работу. Ведь звонка от начальства не было.

Людей в парке было мало, и оно понятно: погода была совсем не для катания. Хотя самые отчаянные мамы с детьми-непоседами всё же бродили по нему. Тучи сгустились над парком, ветер уже был довольно прохладный. Вдруг я услышал, что меня кто-то окликнул.

— Славик, ты?

Я обернулся. Это была моя одноклассница Саша. До шестого класса мы сидели вместе, а потом, после лета и перехода в седьмой, все вдруг прикинулись взрослыми и рассаживались так, как хотели. Я встал со скамейки и утонул в её голубых глазах. Её тёмно-русые волосы раздувал ветер, и она ловким движением убирала пряди за ухо. Она была без макияжа, но и без него глаза были выразительными и большими. Я замер, и в какой-то момент мне стало даже неловко.

Саша хорошо прочувствовала мой ступор — и, то ли для разрядки ситуации, то ли действительно была рада меня видеть, она обняла меня. А я обнял её в ответ.

— Я не видела тебя с выпускного. Как ты, как жизнь?

— Да уж, жизнь сложилась не лучшим образом, — пронеслось у меня в голове. — А ведь я когда-то представлял, как буду проезжать на дорогой машине мимо своих одноклассников.

— У меня всё хорошо, наконец-то произнёс я. — Вот, работаю, развиваю свой малый бизнес.

«Боже, какое я трепло, вновь разговариваю сам с собой в голове».

— Ты молодец, Славик, — радостно произнесла она. — А я вот приехала назад в наш город. Если честно, у меня ничего не получилось в столице, и я решила вернуться, так сказать, к истокам. Вот только все в этом городе стали какими-то незнакомыми, хотя места те же. Очень рада, что у тебя что-то получилось.

В ответ я улыбался и кивал головой, а внутри съедал себя. Она сказала всё как есть — что у неё не всё гладко, — а я ей соврал.

— Славик, может, погуляем, когда ты освободишься?

Не долго думая, я ответил:

— Давай завтра? У меня есть работник, и он заменит меня.

— Отлично, — с улыбкой произнесла Саша. — Запишешь

мой номер?

— Давай лучше я тебе свой продиктую, — ответил я.

Не мог же я показать ей свой кнопочный телефон.

Через два часа пошёл сильный дождь. Порывы ветра были очень сильными, и казалось, что сейчас деревья вырвет с корнями. Как только появились первые капли, я, естественно, накрыл все машинки брезентом. Тут же позвонил начальник, он дал добро и отпустил домой — по прогнозу дождь будет лить весь день.

На завтра я выбил себе выходной, в честь дня рождения, и уже мысленно готовился ко встрече с Сашей. Я будто впервые жду свой день рождения — теперь есть ради кого.

Я отправился на остановку. Я уже почти весь промок, ведь я никогда не брал с собой зонт, поэтому до остановки почти бежал. Дождавшись своего автобуса, зашёл, оплатил проезд и сел напротив окна. Время было ближе к обеду, и автобус был почти пуст. Я смотрел, как дождь бьёт в стекло, и уже мысленно настраивался на завтрашнюю встречу с Сашей.

— На остановке, пожалуйста! — крикнул я водителю.

Он чуть не проехал, поэтому остановился слишком резко — чувство, будто он забыл, что в салоне вообще кто-то есть. Я постарался выйти очень быстро, чтобы не ловить недовольный взгляд водителя.

Выйдя из автобуса, я наступил на помидор. Вся остановка была усыпана помидорами. Я увидел человека — почти на карачках, — пытающегося собрать помидоры на ощупь.

Помните слепого человека, который живёт в конце улицы? Так вот, это был он.

Я ринулся помогать ему.

— Извините, — сказал я, — выходя из автобуса, я раздавил один из ваших помидоров, но я помогу собрать вам оставшиеся.

— Спасибо, — очень сухо ответил он.

Я быстро собрал оставшиеся помидоры и аккуратно сложил в его пакет, подал руку, чтобы он смог подняться. Я впервые видел его так близко: он был высоким, около ста восьмидесяти пяти, короткие тёмные волосы, пухлые губы, аккуратная борода, чему я очень удивился, — и чёрные большие очки, которые закрывали его глаза. На вид ему было около тридцати пяти лет.

— Давайте я помогу вам.

— Спасибо, не стоит, я живу здесь и сам могу дойти.

— Вы меня не знаете, но я ваш сосед, так что мне по пути.

Позвольте помочь вам, я возьму ваш пакет.

— Спасибо, — сказал он. — Как тебя зовут?

— Меня зовут Вячеслав. А вас?

— Меня зовут Артём, очень приятно, Вячеслав.

— И мне.

Мы пожали руки, и я пошёл с ним рядом. Вести его за руку не было никакого смысла, ведь у него была трость.

— Вы упали? — спросил я.

— Да, из-за дождя мне стало сложно ориентироваться, и

поэтому я споткнулся о бордюр.

Мы двигались быстро и уже прошли мой дом. Я предложил своему новому знакомому перейти на другую сторону улицы, ведь он живёт на противоположной стороне. На что он резко отреагировал и сказал, что ходит только по этой стороне, а в конце сворачивает к своему дому. Я подумал, что это очень странно, ведь лучше держаться ближе к своей стороне.

Ещё два дома мы шли молча. Дождь стал стихать, и только редкие маленькие капли били по листьям и создавали небольшой шум.

Артём прервал молчание.

— Мне все боятся задать этот вопрос.

— Какой вопрос?

— Ну конечно же я знал, о чём он говорит, — подумал я, — и мне тоже стало интересно, почему он слепой. Родился ли он таким или что-то случилось.

— Вопрос, почему я слеп, — ответил он.

— Конечно, я не исключение, мне тоже интересно, но я бы не стал спрашивать.

— Как и многие, — ответил он.

Мы перешли дорогу и оказались уже у его дома. Он стукнул тростью по калитке.

— Вот я и дома, спасибо, Вячеслав.

Я уже собрался уходить, как он начал говорить.

— Я не всегда был таким. Видишь дома справа от меня?

— Да, — сказал я, — там живут братья.

— Именно, — сказал он. — В детстве мы дружили, и в один из дней их родители уехали, и они позвали меня к себе. Поначалу было весело, пока они не предложили поиграть в игру. Я был подопытным, мы играли в эксперименты, я был связан — было действительно весело, пока они не налили мне в глаза кислоту.

Я даже не заметил, как мой рот открылся от такой информации. Я сжал руки в кулак, мне так стало жалко этого человека — тяжело описывать чувства, которые я испытывал в этот момент. Вокруг стало так серо, и это было явно не из-за погоды. Всё, что я смог выдавить из себя:

— Это ужасно.

— Да, парень, будь осторожен с этими ребятами. Всего хорошего.

И он скрылся за калиткой, а я остался обтекать под дождём.

Я пошёл обратно тем же путём, каким мы шли с Артёмом. Теперь я понял, что он не хочет даже проходить мимо их домов. Теперь не хочу и я.

Пока я шёл, вопросов в голове становилось больше с каждым шагом: зачем они это сделали, почему остались безнаказанными — мысли как снежный ком.

Я вернулся домой, мамы ещё не было. Я сразу отправился на кухню. Сосиска, макароны, пять минут. Уже чувствую запах жареной сосиски, слышу, как она трещит в микровол-

новке. Как ни странно, меня это успокаивает.

Дзынь. Пять минут пролетели незаметно.

Я взял полотенце, — после пяти минут в микроволновке тарелка становилась горячее солнца, до комнаты я бы не донёс своё фирменное блюдо. Включаю компьютер, системник начинает шуметь. Приветствие, пароль, открываю бота.

- Сэм, привет! У меня есть новости. Я почти записался на репетиторство к соседу. Ты спросишь, почему почти? Пока он не дал чёткого подтверждения, но думаю, что я попаду к нему домой. Ещё я узнал странную информацию: в конце улицы живёт человек, он слеп. Сегодня я помог ему, и в ходе разговора выяснилось, что в детстве ему выжгли глаза кислотой. Это были его соседи, братья-близнецы. Это странно, не находишь? За это короткое время у меня уже четыре подозреваемых, и у всех есть какие-то странности. Что мне делать? Будет какая-то дальнейшая подсказка?

— Привет, Вячеслав! Вижу, ты продвигаешься в нашем расследовании. Ужасная история о слепом человеке, это действительно трагедия, но... почему ты не вписал его в список своих подозреваемых?

С последней строчки от Сэма я забыл прожевать сосиску и проглотил от удивления большой кусок. Я отложил вилку в сторону, чтобы печатать быстрее.

— Сэм, он же слеп, о чём ты говоришь?

Сэм печатает...

— Вячеслав, я как твой верный напарник лишь пытаюсь

быть детективом, но что, если история не так страшна, как её рассказывают? Что, если кислоты было в маленьком количестве, и твой сосед успел промыть глаза и обратиться в больницу? А слепота стала отличным прикрытием.

Я подсел ближе к экрану — казалось, Сэм несёт полную чушь.

— Сэм, о каком прикрытии ты говоришь? Хочешь сказать, ребёнок мог придумать хитроумный план в столь юном возрасте? Я готов поверить в психически нездоровых близнецов с самого детства, которые залили кислоту другу в глаза ради забавы, а после из них выросли маньяки, — но никак не в слепого мальчика.

— Тогда бы он убил братьев в отместку?

Сэм печатает...

— Вячеслав, не стоит воспринимать мои слова всерьёз. Я лишь инструмент в этой игре, а мозг операции — это ты. Я лишь даю тебе подсказку: никому нельзя доверять.

Мышкой я нажал на крестик и закрыл Сэма. Сегодня он явно мне не помощник, несёт какую-то чушь. Смотря на рабочий стол, я продолжил есть свою остывшую еду и услышал, как хлопнула дверь. Мама? Почему так рано?

Я вышел из комнаты, услышал, как в душе течёт вода. Странно, подумал я, может, что-то случилось? Стучусь в дверь ванной.

— Мам? Всё в порядке?

— Да-да, сынок, у меня сегодня встреча, и я отпросилась

пораньше с работы.

— У тебя встреча?

Я машинально нахмурил брови. Какая может быть у неё встреча? Пожал плечами и пошёл на кухню. Я ждал, пока она закончит принимать душ, чтобы помыть тарелку, — ведь если я открою воду, то у неё пойдёт холодная, — поэтому я просто стоял и смотрел на календарь, что висит на холодильнике. Завтра мне будет двадцать два. Как быстро летит время. С новой цифрой я буду ненавидеть себя ещё больше: время идёт, а я живу с мамой и разговариваю с компьютером.

Вода выключилась, и теперь я мог спокойно помыть тарелку. Я услышал, что мама вышла и ушла к себе. Я остался на кухне в надежде получить ответы. Прождав минут десять, я пошёл в зал и хаотично переключал каналы — видимо, что-то важное, раз мама собирается настолько долго.

Остановился на каком-то детективном сериале, подумал, что мне сейчас будет полезно посмотреть что-то в этом жанре. Прошло ещё минут двадцать, как вдруг в нос ударил сильный запах женских духов, его было так много, что он казался приторно-сладким. Оказывается, мама прошла мимо зала, а я погрузился в сериал и не заметил, но запах духов отключил меня от телевизора.

В прихожей у нас было зеркало в пол, именно там стояла мама. Красивая, в тёмно-синем платье. У неё были короткие волосы, но в этот раз как-то по-особенному уложены. Макияж, красная помада. Я не видел её такой уже очень давно.

Я облокотился в дверном проёме, сложил руки.

— Куда это ты такая красивая, мам?

— Помнишь таксиста Андрея? — сказала мама. — Так случилось, что после ужина мы стали общаться, и сегодня он позвал меня на свидание. Я подумала — чего отказывать, хоть развеюсь.

Хоть я уже и почти вычеркнул его из списка подозреваемых, но звук, который я слышал, и сроки его переезда — всё это в совокупности пугало меня. Тем более когда речь заходит о моей матери.

— Мам, не иди, пожалуйста, — вырвалось из меня.

Вместе с моей фразой входная дверь открылась, и на пороге появился Андрей.

— Куда не идти, Вячеслав? — сказал он. — Послушай, парень, я понимаю, что ты переживаешь за маму и никогда не доверишь её незнакомцу, и это похвально, но поверь: в десять часов я верну её в целости и сохранности. Договорились?

И он протянул мне руку.

Я не мог её не пожать, как и не мог парировать его красноречивую речь при нём. Мне ничего не осталось, только пожать его руку.

— Славик, не переживай, — сказала мама и поцеловала меня в лоб.

Я стал уходить к себе, чувствовал себя беспомощным в этот момент. Но краем уха я услышал, как он говорит маме,

что оставит машину у нашего двора, а сами поедут на такси, потому что в ресторане они будут пить вино, а значит, он не сможет ехать сам. Это была отличная возможность для проверки багажника, вот только как его открыть — ключи-то у него с собой.

Глава 4

Как только мама и Андрей сели в такси, я стал думать, как можно открыть багажник. Я много раз видел в кино, как легко взламывают замки, но мне очень бы не хотелось, чтобы соседи наблюдали за тем, как я ковыряюсь в замочной скважине скрепками. Мой мозг отказывался думать сам, и в какой-то степени в этом был виноват искусственный интеллект.

— Точно, можно же спросить у Сэма.

Я побежал в свою комнату, казалось, компьютер включался как никогда долго.

— Сэм, моя мама уехала на свидание с Андреем, и он оставил машину у нашего двора. Мне нужно открыть багажник и посмотреть, что там. Как я могу вскрыть замок?

Сэм печатает...

— Вячеслав, без должной подготовки, даже с чёткими инструкциями, вскрыть подручными средствами не получится. Попробуй найти объявление о вскрытии замков специалистом.

— Точно! — воскликнул я. — Спасибо, Сэм!

— Рад помочь.

Я свернул бота и полез искать в интернете похожие объявления, их было несколько. Звоню по первому.

Гудки, трубку долго не берут, ещё гудок.

— Алло, слушаю.

— Здравствуйте, я случайно закрыл багажник вместе с ключами, вы можете мне помочь?

— Да, конечно, скажите, вы собственник автомобиля?

Эм... — вот к такому вопросу я явно был не готов, я даже не подумал об этом, и Сэм не предупредил.

— Нет, это машина моего отца.

— Тогда мне нужно, чтобы собственник находился рядом в этот момент и предоставил документы.

— Боюсь, это невозможно, — ответил я, — документы же находятся в автомобиле, как я покажу их вам?

Человек на том конце провода глубоко вздохнул.

— Молодой человек, двадцать первый век, все документы есть в электронном виде. Если у вас есть паспорт, то и электронная страховка сойдёт, если вы, конечно, туда вписаны.

Я был в замешательстве, нужно было срочно что-то придумать.

— А за дополнительную плату, может, можно закрыть глаза на документ?

— Нет, — резко ответил человек, — это нарушение закона, за которое я могу сесть в тюрьму. Всего хорошего.

Он повесил трубку. Звонить на второй номер не было никакого смысла, мне хватило унижения и в первый раз.

Вернулся к компьютеру.

— Сэм, они без документов не открывают замки, о чём ты думал?

Сэм печатает...

— Прости, Вячеслав, иногда мне бывает сложно просчитать все вероятные исходы.

— Сэм, мне нужно открыть его, что ещё можно сделать?

Сэм печатает...

— У каждого автомобиля есть запасной ключ, попробуй найти его.

— Запасной ключ? — переспросил я вслух, будто Сэм услышит меня и ответит. — Хм, он наверняка лежит где-то дома у Андрея, но как можно попасть в дом, там ведь тоже дверь под замком.

Я посмотрел на часы, в запасе у меня оставалось около двух часов, если вдруг они не решат вернуться раньше. Возможно, ключ спрятан где-то возле двери или будет открыто окно. Решено, надо сходить и проверить.

Дом Андрея

Я шёл по улице, чувствовал себя настоящим бандитом. Мне кажется, даже походка моя слегка изменилась. Дождь ещё шёл, поэтому я вышел из дома в лёгкой ветровке с капюшоном. Да и капюшон я натянул по самый нос — так я чувствовал себя в большей безопасности.

Подходя к его дому, я не сбавил шаг. Я шёл так, словно иду к себе домой, — чётко и уверенно. Я не хотел привлекать к себе лишнее внимание, поэтому дёрнул за ручку калитки так, словно заходил в неё уже тысячу раз. Мне повезло, она была не заперта. Но это было, наверное, самое простое в мо-

ей затее, — ведь главное — попасть в дом.

Двор был усыпан крупной щебёнкой, и каждый мой шаг, казалось, создавал сокрушительный звук на всю округу. Дальше меня встретили высокие бетонные порожки, без плитки. Это и хорошо, иначе на плитке я бы оставил следы своих ботинок. А моя нога явно уступает по размерам ногам Андрея.

Перед входной дверью справа стояло кресло, видимо, оставшееся от старой мебели, и резиновый коврик прямо перед входом. Я попытался приподнять кресло — оно было слишком тяжёлым, чтобы наклонить его и проверить, есть ли под ним ключ, — вместо этого мне пришлось поднимать за каждый угол и быстро смотреть. Ничего, ключа под ним не было. Я ощупал всё кресло, каждый зазор был изучен мной, но так и не нашёл его. Если его здесь нет, значит, он в машине, или Андрей носит его при себе. Неудача, надо возвращаться домой, пока меня кто-нибудь не увидел.

Уходя, я заметил, что когда я двигал кресло, то зацепил входной коврик. Аккуратно ногой я потянул за край, чтобы выровнять его, и услышал звук металлического скрежета.

— Чёрт возьми, Андрей, ты хранишь ключ от дома под ковриком? Я почти уверен, что ты точно не убийца-маньяк.

Я достал ключ, разулся сразу же на коврике, чтобы не тащить грязь в дом. Отперев замок, меня встретила маленькая прихожая. Справа была полка с обувью, а перед самым входом — домашние тапочки. Я знал, что мне нужно искать

комнату, где он спит, — явно всё самое ценное он хранит рядом с собой, а учитывая, что прятать он не умеет, это должно быть на видном месте.

В конце коридора была дверь — явно его комната. Дёргаю за ручку двери, но она оказалась заперта. Сначала я подумал, что дверь просто заело, но, толкнув плечом и сильно ударившись, я окончательно понял, что дверь закрыта на замок.

Ещё минуту назад я чувствовал себя максимально уверенно. Я никогда так не рисковал в своей жизни, и этот адреналин словно дал мне крылья, но эта дверь быстро спустила меня на землю. Зачем человеку закрывать свою комнату, если ключ от входной двери ты держишь под ковриком? Да кто вообще вешает замок в комнате, особенно когда ты живёшь один?

Шум в голове — я буквально чувствовал, как пульсирует всё моё тело. Мозг сам стал рисовать страшные вещи, которые могли происходить за этой дверью. Шум сменялся звоном в ушах. Коридор будто сужался.

Звонок телефона. Я огляделся — это был мой собственный сотовый. Достая телефон.

Входящий вызов: МАМА.

— Алло, мам?

— Славик, а ты где? Я уже дома.

— Эм, я вышел прогуляться.

— Прогуляться? Под дождём?

— Мам, послушай, а где Андрей, всё хорошо?

— Да, сынок, он со мной, передаёт тебе привет, говорит, вернул меня домой раньше обещанного.

— Отлично, мам, я рад.

— Ну вы там хоть чаю попейте, ладно?

— Я скоро приду.

Я отключился, не дождавшись ответа, — нужно было срочно сваливать из дома. Я пулей вылетел на улицу. Дурацкая была затея, о чём я думал? Хорошо, что мама ещё позвонила, а если бы он вошёл, а я тут дверь ломаю.

Я не мог унять мысли в голове, я даже не помню, как выскочил из дома. Бегу до калитки, опять этот оглушающий звук щебёнки под ногами, открываю калитку — и сталкиваюсь на тротуаре с Артёмом, тем самым слепым.

— Кажется, ты живёшь не здесь, Вячеслав, — сказал Артём, и в голосе чувствовалось недоверие.

— Как вы узнали, что это я?

— Как бы это странно ни звучало, но по запаху.

— Что? — переспросил я.

— От тебя пахнет потом. Я заметил ещё тогда, на остановке.

«Чёрт, как обидно», — подумал я.

— Так что ты делал в чужом дворе?

«Дерьмо, — подумал я. — Меня застукал слепой человек на взломе, только мне могло так повезти».

— Это не совсем чужой дом, моя мама дружит с Андреем, и они сейчас у меня дома, а меня Андрей послал кое-что

ВЗЯТЬ.

— Да, и что же взять?

«Как я злился в голове, слишком любопытный, это тебя не касается».

— Да не важно, — отмахнулся я, — так, мелочь.

— Ладно, мне пора бежать, а то они ждут меня.

И я стал удаляться от Артёма быстрым шагом. Я надеюсь, он не знаком с Андреем, иначе я влипну.

Подходя к дому, я увидел, как мама провожает Андрея. Мне казалось, они даже хотели обнять друг друга, но, увидев меня, отстранились. Чем ближе я подходил к ним, тем больше сверлил взглядом Андрея. Зуд любопытства становился всё сильнее — багажник, и запертая дверь комнаты, к тому же ещё мама теперь дружит с ним.

— Вот, вернул твою маму, как и обещал, — Андрей широко улыбнулся.

— Да, я вижу, что вы провели отличный вечер.

Это всё, что я смог выдавить из себя. Я спешно пошёл в дом. Честно сказать, я не хотел говорить с мамой и пытался избежать этого неловкого разговора. Не дождавшись, пока мама вернётся в дом, я пошёл в душ, ведь кроме запертой комнаты меня ещё волновал собственный запах.

Отмывшись от этого сложного дня, смыв с себя пот, который я не чувствовал, я так же пытался отмыть вину, — ведь я впервые сделал что-то противозаконное, и от этого мне было не по себе. А что, если бы меня поймали? Кто бы поверил

в мою историю? Меня бы посадили в тюрьму — такого подарка на день рождения я явно не хотел. Но всё закончилось хорошо, а значит, завтра быть встрече с Сашей, и, возможно, следующий день не будет таким напряжённым.

День рождения

— Доброе утро, именинник, просыпайся, на кухне ждёт тебя подарок.

Это было первое, что я услышал, как только открыл глаза. Передо мной была мама, она улыбалась, улыбнулся и я.

— Спасибо, мам, сейчас встану.

Должен признать, как бы я ни любил свой день рождения, но мамина улыбка и слова поднимали мне настроение. Я повалялся ещё минут десять, — в свой праздник могу себе позволить. На кухне меня ждал особенный завтрак: яичница с двумя пожаренными сосисками, а по бокам тарелки выложены нарезанные помидоры и огурцы. Запах жареных сосисок был великолепен, это, конечно, не готовка в микроволновке, но я слишком ленив, чтобы жарить их себе. Мама же решила порадовать меня по-настоящему королевским завтраком вместо обычной каши.

Я принялся есть прямо на кухне, хотя так обычно не делаю. Уж слишком он был аппетитным. Мама подошла ко мне сзади, обняла меня, сказала много тёплых пожеланий и вручила мне коробку, упакованную в красивую красную обёртку с бантиком.

— Ну же, открывай скорей, — сказала она.

Я отложил тарелку и принялся аккуратно открывать коробку, пытаясь сохранить подарочную упаковку, — вдруг она ещё пригодится. Как только я стал видеть изображение на коробке, я понял, что это новый смартфон. Я перестал распаковывать, лишь взглянул на неё и сказал:

— Мам, зачем? Это очень дорого и совсем нам не по карману.

Мама улыбнулась, на её глазах выступили слёзы.

— Бери, сынок, не переживай, телефон я взяла в кредит, понемногу выплачу, это не сильно ударит по бюджету, я даже не замечу.

Конечно, мне было безумно приятно, учитывая, что я был, наверное, единственным молодым парнем в городе с кнопочным телефоном. Но и это даже не главное, — самое ценное, что мама решилась на столь дорогой подарок. Я лишь обнял её. Мне было немного не по себе, ведь я понимал, что в таком возрасте должен сам зарабатывать на такие вещи.

— Ладно, — мама провела ладонью по глазам, — хватит распускать сопли, мне пора на работу. Ещё раз с днём рождения, вечером я куплю торт, и мы задует свечи.

— Хорошо, мам, спасибо тебе, я люблю тебя.

Конечно, как только дверь захлопнулась, я принялся распаковывать телефон дальше, я хотел скорее включить его. У меня не всегда был старомодный телефон, раньше у меня был хороший телефон с камерой и большим экраном, но я

разбил его, а его ремонт стоил чуть ли не дороже самого телефона. Поэтому я в тот же день купил самый простой телефон для звонков.

Открыв коробку, я был в восторге, он такой лёгкий, большой и тонкий, казалось, я мог описывать его ещё на десятках страниц, но думаю, что вы все понимаете, как выглядит новый телефон. Я снял плёнку с экрана, — это был волшебный момент, как аккуратно она отклеивалась, с характерным звуком. Зажав кнопку включения, меня поразила цветовая гамма, столько красок, а это я ещё даже не заходил в меню.

Нужно скорее переставить сим-карту, главное, чтобы Саша не позвонила в этот момент. Я быстро вскрыл свой старый телефон, достал сим-карту, а вот в новом телефоне я не сразу нашёл слот для сим-карты, батарея была не съёмная, а я уже сломал всю голову, благо я прочёл инструкцию. Включаю, сим-карта быстро была найдена и показывала все полоски, сообщений о звонках не было, значит, всё в порядке.

Я сильно переживал, что пропущу звонок, ведь я только дал ей свой номер, а её не взял. Изучил меню, заветная кнопка камеры, я так любил фотографировать, теперь можно делать разные кадры из жизни, нужно проверить, как она работает.

— Качество фото просто супер, спасибо, мама, — сказал я вслух, хотя её не было дома.

Следующие часы я сходил с ума, я ждал заветного звонка, а его всё не было. Каждый последующий час расстраивал меня всё больше, я уже понимал, что, наверное, Саша забыла или встретила кого-то важнее, и встречаться со мной нет никакого смысла.

Раздался звонок, с непривычной мелодией я и не сразу

сообразил, что звонят мне, но это была бабушка по маминой линии. Поздравила с днём рождения, а дальше рассказывала про огород, болезни и правительство. Стандартный разговор с бабулей, ничего особенного. Разговор продолжался минут пятнадцать, и в конце бабушка спросила, куда может отправить деньги мне на день рождения. Я соврал, сказав, что я перевыпускаю карту, и попросил отправить деньги маме, а маме скажу, что эти деньги пойдут в счёт кредита, — это будет справедливо, а бабушке не обязательно знать об этом.

После мы прощались ещё минут десять, уже говоря об одном и том же по второму кругу, и вот, наконец, разговор окончен, я кладу трубку, убираю телефон от уха, и снова звонок, номер неизвестен. Наверняка это Саша. Выждал паузу, чтобы не брать трубку сразу, не хочу, чтобы она подумала, что я жду звонка. Я вытерпел не больше пяти секунд, на дольше меня не хватило. Сделал голос немного грубее.

— Я слушаю.

— Привет, Славик, это Саша, мы вчера договаривались встретиться, помнишь?

— Ааа, Саша, — делаю вид, будто не ждал её целый день.

— Конечно помню, всё в силе?

— Да-да, есть идеи, куда пойдём? Может, в парк?

«Нет-нет, только не в парк», — подумал я, не хватало, чтобы она потянула меня к моему выдуманному бизнесу.

— Саш, в парке работа, ты же сама понимаешь, не хочу решать рабочие вопросы, гуляя с тобой. Может, просто про-

гуляемся в центре, там посидим где-нибудь?

— Идёт, — сказала радостно Саша. — Тогда через час у городского фонтана, до встречи.

И она положила трубку.

Есть! Я радовался как ребёнок, я буквально в припрыжку вылетел из зала. Остановился. Мне нужно в душ.

Глава 5

Я намывался так, как никогда прежде. Использовал гель для душа в огромном количестве, пены было так много, что казалось, у меня пенная вечеринка. Но моё время было ограничено, поэтому мне стоило торопиться. Борода у меня росла очень плохо, но вот усы — они так и стремились явить свою красоту миру, пришлось ещё побриться.

На автобусе ехать до центра минут двадцать, думаю, у меня полно времени в запасе. Я пробежался по полкам возле раковины, увидел мамин дезодорант. Решено. Лучше пусть я пахну как мама, чем потом от волнения.

Я вышел из ванной, взглянул на время, — чёрт, я уже опаздываю. Моя комната была слишком мала, и у меня не было собственного шкафа, а повседневные вещи всегда висели на моём стуле. Остальная одежда была в мамином шкафу. Открыв его, я увидел единственную белую рубашку, которая аккуратно висела на вешалке. Я выбрал классический стиль: белая рубашка и чёрные брюки. Не хватало часов для полного образа бизнесмена.

Выходя, я взглянул на себя в зеркало, я подошёл к нему вплотную, смотря себе же в глаза, я сказал:

— Ты альфа, Саша твоя женщина.

Повторив это несколько раз, я не ощутил прилив альфа-силы, все эти уроки по подъёму самооценки и уверенно-

сти — полная чушь, — подумал я.

Выйдя за калитку, я быстрым шагом отправился на остановку, погода была сегодня очень комфортной: свежий ветерок, а солнце не было таким обжигающим. Вдалеке я увидел машину, как только водитель свернул на улицу, он ускорился в мою сторону. Чёрт! Это был Андрей, и он нёсся на всех парах ко мне.

В голове только одна мысль: он знает, что я был в его доме, наверное, слепой рассказал ему. Что я буду говорить? А вдруг у него была камера или ещё что, я вообще об этом не думал. Пока я перебирал варианты в голове и делал в штаны, он уже сравнялся со мной, припустив окно, он сказал:

— Привет, именинник, с днём рождения! Куда путь держишь?

«Фух... отлегло, я каждый раз ловлю себя на мысли, что я ещё то ссыкло».

— Спасибо, — ответил я, — путь держу в центр.

— А-а-а, праздновать с друзьями?

— Да, устрою небольшую тусовку в кафе.

— Залезай, я тебя докину, у меня как раз заказ в центре, — сказал Андрей.

Честно говоря, это было как раз кстати, ведь я прилично опаздывал, и не стал отказываться ради приличия. Я сел на переднее пассажирское сиденье, Андрей протянул руку, я пожал её крепко, хотя обычно у меня довольно вялое рукопожатие.

В пути говорил в основном Андрей, скорее не говорил, а задавал разные вопросы. Снова про друзей, про круг общения, интересы. Со стороны казалось, что меня допрашивает полицейский, и, честно говоря, к середине поездки мне это надоело, и вопросы стал задавать я.

— Где ваша семья? — спросил я.

Этот вопрос был резок, словно пуля в лоб, и Андрей явно растерялся. Он поменялся в лице, и я понял, что этот вопрос поставил его в неловкое положение, но всё же он стал отвечать на него.

— Была у меня семья, конечно, как и у всех. Жена, дочь, дом. Всё было хорошо, как мне казалось. Потом были трудности, ну как и у всех, просрочка по ипотеке, я работал на двух работах, чтобы нам на всё хватало, и, пока меня не было сутками дома, мою жену занесло в синюю яму, она решила сгладить проблемы именно таким путём. Дальше — плохие компании, гулянки, и вот я уже не наблюдаю её дома неделями. Вскоре банк забрал дом, мы развелись. Мы с дочкой жили у моей мамы, потом она поступила в университет и уехала в другой город.

— Мне очень жаль, — сказал я. — Простите за этот вопрос.

— Ничего, ведь это тоже часть моей истории, нужно учиться жить дальше.

— А где сейчас ваша дочь?

— Давай отложим этот разговор на потом, мы уже почти

у центра, мне нужно тут забрать клиента, ты дойдёшь сам?
— Да-да, конечно, спасибо вам большое.

Я вышел из машины, до места назначения оставалось идти не больше пяти минут. Я торопился, опаздывал уже на семь минут, мне пришлось даже перебежать на красный свет светофора, я переживал, что Саша уже ушла, но, как только вдали появился фонтан, я увидел её. Она стояла спиной ко мне, в красивом бежевом вельветовом платье. Я сразу её узнал. Надеюсь, она не сильно злится за моё опоздание.

— Саша?

Она обернулась.

— Привет, Славик.

На этот раз она протянула мне руку, а я так надеялся обнять её. Наверняка она злится за опоздание. Я пожал её руку, очень аккуратно. У неё такая приятная и гладкая кожа, ветер разносил запах её вкуснейших духов, она пахла карамелью и зефиром.

— Извини, что опоздал, невозможно было собираться, все поздравляют и не дают ни минуты покоя.

«Да-да, я вытащил свой единственный козырь под названием "день рождения", а иначе как мне ей сказать об этом?»

— Поздравляют с чем? — спросила она.

— У меня сегодня день рождения, и все звонят без конца.

Достаю из кармана свой новенький телефон и демонстративно ставлю на беззвучный режим, хотя прекрасно знаю, что мне никто не будет звонить.

— Прости, я не знала. Поздравляю тебя!

И, о чудо, она обняла меня, я прижал её к себе сильнее, чем в тот раз, ведь следующий может быть очень не скоро.

— Я без подарка, мне так неловко.

— Не парься, всё в порядке, правда. Пойдём лучше погуляем?

— Пойдём.

И мы пошли по центральной улице. Она была широкая, с обеих сторон были кофейни и магазинчики. Вверху всё было украшено гирляндами, на всю длину улицы. Сейчас днём тут мало что работает, но к вечеру здесь много людей, всё светится, почти из каждого заведения играет музыка. Сейчас же мало народу, тихая и спокойная музыка играет из пары кофейен. Тут, как и в парке днём, старики да мамы с колясками.

— А почему ты не празднуешь?

— Да потому что не с кем, моё празднование — это чаепитие с тортом с мамой и сериал по телеку.

Но ей, конечно, я не мог этого сказать, нужно было поддерживать образ крутого парня.

— Знаешь, надоела вся эта суета, тусовки и клубы. Пора взрослеть по-настоящему, хочется спокойствия.

— Я тебя понимаю, — сказала Саша, — я тоже не праздную, и мне кажется, что с возрастом тоски в этот день будет больше.

— Это точно, — подытожил я.

— Ты слышал, вчера убили молодую девушку, её нашли

ночью в лесу, где пруд, на который все ходили купаться в детстве.

— Нет, я ничего не слышал, и в новостях не было.

— Да шум поднимать не стали, мне сказал знакомый, — продолжила Саша, — он работает в полиции, звонил утром, попросил меня быть осторожнее, они думают, в городе зашёл маньяк. Я теперь ношу с собой перцовый баллончик.

Саша открыла свою чёрную сумочку и показала мне баллончик чёрного цвета, с рисунком красного перца.

— Что ещё сказал тебе твой знакомый? У них есть кто-то на примете?

Я впервые поставил Сашу на задний план, мне нужно было получить как можно больше информации.

— Да вроде ничего, — сказала она. — Вроде к ним отправили какого-то крутого специалиста, но все держат в секрете, чтобы не сеять панику, город-то маленький.

Я был рад услышанному, ведь после моего похода в участок я понял, что никому ничего не нужно, а если отправляют какого-то следователя другого уровня, возможно, он найдёт его, и я буду жить спокойно.

— Ну не будем о грустном, Славик, я хотела спросить у тебя.

— Да, конечно, спрашивай.

— Ты сказал, что на тебя работает один человек, может, тебе нужен второй? Просто я сейчас ищу работу, а вариантов в нашем городе не так уж и много, и я подумала, возможно,

если тебе требуются сотрудники.

Вот такого поворота событий я точно не ожидал: отказать — и тогда она не захочет больше общаться, а взять её на работу в мой выдуманный бизнес я не мог. Придётся снова врать, я уже достиг определённых высот в этом деле, ведь вру я в последнее время довольно часто.

— Понимаешь, Саша, бизнес сейчас не в лучшем положении, и, возможно, мне придётся работать одному, без сотрудников. Я бы с радостью взял тебя, но, честно говоря, платить будет нечем.

По её выражению лица всё было понятно, она явно расстроилась и ждала другого ответа.

— Очень жаль, может, ты знаешь кого-то, кому пригодилась бы такая, как я?

— Конечно, я поспрашиваю, мы что-нибудь придумаем.

Впервые я сказал «мы», будто мы пара и решаем проблемы вместе, интересно, девушки вообще замечают эти маленькие вставки с намёками.

Мы проходили мимо кафе, и запах кофейных зёрен ударил в нос, конечно, я не мог не предложить сесть и выпить чашку кофе, я не смог разглядеть цены на витрине и мысленно молился, чтобы у меня хватило денег.

— Может, кофе? — сказал я.

— Если честно, у меня сейчас финансовые трудности, и мой бюджет не позволяет пить кофе в центре.

— Саша, о чём речь, я заплачу, не беспокойся. Пойдём.

Мы зашли внутрь, запах был невероятным. Жужжащие машинки, запах, приятная музыка, картины, связанные с кофе, высокие стулья. Я был не частым гостем в таких заведениях, точнее, вообще не был ни разу. На полках лежали свежие круассаны, и всё бы ничего, пока я не взглянул на ценник. Аккуратно пальцами я перебирал в кармане бумажные деньги, пытался посчитать, сколько у меня было с собой. Я снова не подготовился. Главное — говорить уверенно.

— Что ты будешь?

— Я буду капучино, — сказала Саша.

«Значит, я буду то же самое», — подумал я.

— Здравствуйте, — сказала девушка за стойкой, — определились с выбором?

— Два капучино, пожалуйста.

Она что-то нажимала на планшете.

— К кофе что-нибудь желаете? Свежие круассаны, пончики?

«Нет-нет-нет, не навязывайте ничего», — подумал я.

Но повернулся к Саше и спросил:

— Хочешь что-нибудь?

— Нет, спасибо, я не голодна.

«Фух... я выдохнул, спасибо, Саша, за твою скромность», — подумал я.

— Только два кофе.

— Ваш кофе готов!

Я забрал два горячих стакана.

— Сядем?

— Давай лучше пройдемся, — предложила Саша.

В голове я радовался, вдруг она захотела бы что-то из еды, на кофе ушли все деньги, не осталось даже на проезд, звенела какая-то мелочь в кармане.

— Я за, ведь погода отличная.

Мы прошли по главной улице два раза, удивительно, как стакан кофе в твоей руке меняет тебя и придаёт какой-то важности. Я выпил его давно, но ещё долго ходил с ним. Саша рассказывала о своей жизни всё как есть, о своих неудачах, и была максимально честна со мной, чего не сказать обо мне. В какой-то момент мне стало так стыдно, что я решил открыться ей.

— Я должен сказать тебе кое-что, надеюсь, твоё отношение ко мне не изменится.

— Не пугай меня, — и Саша посмеялась.

— Я до сих пор живу с мамой, никакой я не бизнесмен, точка с машинками не моя, я просто там работаю. Я не крутой парень, я обычный неудачник, в кафе я считал деньги, чтобы нам хватило на кофе.

После этих слов мне стало легче, если честно, мне уже было плевать, что подумает обо мне Саша, но врать ей я больше не хотел. Саша посмотрела на меня и улыбнулась, она взяла меня за руку и сказала:

— Значит, мы оба неудачники.

— Прости, что врал тебе.

— Не переживай, Славик, у нас ещё всё впереди.

Знаете, после того как я сказал всё как есть, я стал чувствовать себя намного увереннее, всё же лучше говорить правду, теперь мне не стоит переживать, что я попаду в неловкую ситуацию. Поговорив по душам, Саша посмотрела на часы.

— Как быстро летит время, мы уже гуляем третий час, я уже голодна, да и нужно ещё посмотреть вакансии.

Я согласился с ней, ведь я тоже был голоден. Как бы это смешно не звучало, но Саша добавила мне денег на проезд. Конечно, мне было стыдно, но она сильно настаивала, и мне пришлось взять. Мы попрощались, я обнял её, впервые я был инициатором этого. Я прижал её так сильно, и запах её духов сопровождал меня до самого дома.

Я вышел из автобуса окрылённый, в прекрасном настроении, о таком дне рождения я мог только мечтать. Свернув на свою улицу, я увидел полицию. Множество сотрудников были у дома Антона Видова. Это один из братьев-близнецов. Я решил не идти домой, а пройти чуть дальше по улице, чтобы краем уха услышать и понять, что происходит. Подойдя ближе, я увидел, что они вывели Антона из дома, он был в наручниках. Из кармана я незаметно достал телефон и, проходя, сфотографировал. Один из сотрудников попросил не подходить близко. Я так и сделал, развернулся и пошёл быстрым шагом домой, наблюдая, как соседи смотрят на происходящее из окон.

